

евразия

УЗОРЫ ДАГЕСТАНСКОГО КОВРА

Республика переживает административный кризис

Окончание. Начало — на стр. 1

КСТАТИ, именно такой социальный лифт в своё время позволил Саиду Амирову, парню из многодетной дагестанской семьи, подняться от простого шерстоведа до поста руководителя "Дагпотребсоюза" в 1991 году. Сейчас без связей и взяток такое представить в Дагестане просто нереально.

То, что сейчас происходит в Дагестане, — это не просто смена принципа назначения руководителей властных структур всех уровней республики и уж точно не банальная замена даргинских руководителей на аварских. Вопрос гораздо глубже. Происходит кардинальный разворот от коррупционной системы управления к модели эффективного планомерного экономического роста. Похоже, Дагестану уготована участь стать тем опытным полигоном по смене формата управления в отдельно взятой республике.

Денежные потоки от назначений на руководящие посты являлись далеко не основными в отлаженной за долгие годы системе. За постперестроечное время Дагестан стал глубоко дотационным регионом. Вот что говорит в интервью "Кавказской политике" доктор политических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (РАНХиГС) Камиль Ланда: "Дагестан всегда был экономическим донором. Абдурахман Даниялов, когда он был первым секретарем обкома партии, писал ходатайственное письмо в ЦК КПСС… о переводе Дагестанской АССР в ранг союзной республики — в связи с высокими социально-экономическими показателями. Выше, чем у Армянской, Киргизской, Молдавской и Эстонской союзных республик. А сегодня республику довели до такого состояния, что она не может себя прокормить…"

Зачем создавать прибыль, а потом пытаться ее воровать, когда можно сразу начать воровать с убытков?.. Централизованные потоки федеральных дотаций легко контролировать, и система стала создавать убытки. Поэтому все государственные и частные предприятия, помимо объективных экономических сложностей переходного периода, попали под дополнительный пресс разросшейся и ничем не ограничиваемой коррупции в контрольно-разрешительных властных структурах. Основная часть предприятий была загнана в теневой сектор бизнеса, который вдвойне нуждается в прикрытии властных и силовых структур, поэтому, чтобы устроиться на работу в налоговую службу, госавтоинспекцию и даже в милицию, нужна взятка. Деградация экономики Дагестана — прямой результат коррупционной системы управления.

На городском уровне имелась своя специфика выстраивания коррупционной системы управления. Еще в 2009 году Владимир Путин, будучи тогда председателем Правительства, на селекторном совещании по теме ЖКХ обратился к Саиду Амирову с вопросом: "Где деньги, Зин?" Речь шла тогда о том, что при 90% собираемости оплаты услуг ЖКХ с жителей долг города перед поставщиками электроэнергии превысил 700 млн. рублей. Ответа так и не последовало. А ведь речь шла только об электричестве. Это была верхушка айсберга. Были проданы сотни социальных объектов, детсады, школы, кинотеатры, медицинские учреждения. Разрешения на застройку коммерческой недвижимостью выдавались на территории городских парков, скверов и даже тротуаров. Не обошел вниманием мэр и частный бизнес. Для "работы" с малыми и средними предприятиями применили системный метод. Было создано более 50 муниципальных унитарных предприятий, которые начали осуществлять контрольно-разрешительные функции. Таким образом, весь спектр продаж и оказания услуг оказался обложен поборами этих структур. С кадровой политикой тоже было все в порядке — родственники возглавляют все основные административные структуры в городе.

Необходимость в дотациях легче обосновать на фоне острой социальной напряженности общества. Идеологический вакуум, возникший с начала девяностых, не мог долго продолжаться, и на Северный Кавказ устремились иностранные эмиссары, которым в неразберихе переходного периода удалось закрепиться и пустить корни и на территории Дагестана. Никто этот процесс и не пытался останавливать. Теперь ваххабитская секта, наряду с иностранными экстремистскими сайтами, является основной вербовочной базой для бандподполья в республике, а ввиду единства целей с коррупционной системой — "делать деньги", бандиты тоже стали одним из элементов давления на предпринимателей и отдельных чиновников. Протестные настроения молодежи на фоне тяжелейшей социально-экономической ситуации, а также удручающего состояния в сфере как светского, так и религиозного образования, явились дополнительными факторами, облегчающими работу вербовщикам-ваххабитам.

Но не подумайте, что эта отлаженная система является исключительно дагестанским ноу-хау. Без участия коррумпированных федеральных структур такой механизм раскрутить было бы невозможно. Как и в схемах с "воздушными авизо", немалая часть денег автоматически оседала в Москве, а порой схемы воровства миллиардных субсидий и дотаций тянулись и за пределы России.

Коррупция пронизывает все слои общества, и основная масса людей, вовлеченных в нее, пошла на это вынужденно. Людям нужно содержать семьи, кормить детей, а правила игры устанавливают не они. Но абсолютное большинство дагестанцев, имея выбор, занималось бы созидательным трудом. Именно поэтому, несмотря на прямую угрозу своей жизни и жизни своих близких, не прекращались попытки обличить произвол, творящийся в республике. Ученые, общественные деятели, журналисты, простые дагестанцы не перестают открыто выступать против беззакония, учиненного в некогда процветавшем крае, настойчиво стараются обратить внимание федерального Центра на системный административный кризис, сковавший все отрасли деятельности республики, и, похоже, их, наконец, услышали.

Но система защищала себя и в средствах была не особо разборчива. Список жертв заказных убийств последних десятилетий состоит из тысяч достойных дагестанцев, не смирившихся с разграблением своей Родины. А кто были исполнителями этих убийств: коррумпированные сотрудники силовых структур или "лесные" — уже не принципиально, потому что все они являются составными частями единой коррупционной системы управления.

Саид Джапарович Амиров одним из первых понял правила игры этой системы. Обладая жесткой лидерской харизмой, он вскоре занял в ней лидирующее положение и в конечном счете стал её заложником. Сросшись с ней, он не мог уйти в отставку или на почетную второстепенную должность — и это трагедия сильного и мужественного человека. С этим не поспоришь, но окончательное решение в сложившейся ситуации остается за судом.

Самая главная опасность коррупционной системы управления в том, что она создает огромный разрыв между людьми и властью. Когда в 1999 году банды Хаттаба и Басаева вторглись в Дагестан, простые люди сразу встали на защиту своей земли и защитили не только Дагестан, но и целостность всей Российской Федерации. Руководство же республики в эти грозные дни занялось не созданием ополчения, не обеспечением этого ополчения средствами защиты и оружием. Нет! Они собрали вещи и готовились с семьями вылететь в Москву — в аэропорту стояли готовые к взлету самолеты.

Сегодня Дагестан брошен на произвол чиновников и поставлен на грань выживания. Отсутствует идеология, объединяющая жизненные цели руководства и отдельного гражданина. В ситуации совпадения интересов республиканской коррупционной системы и ваххабитов система пошла на акты "примирения" и прочие декоративные мероприятия, якобы решающие придуманную ими же проблему "межконфессиональной напряженности". Все эти "примирения" в результате привели к тому, что физически оказались устранены все те, кто с позиций традиционного ислама мог противостоять бандитам. После убийства шейха Саида Афанди Чиркейского для всех уже стал очевиден тот факт, что с террористами обсуждать нечего. Протестные настроения граждан на самом деле направлены на чиновников коррупционной системы, на произвол, творящийся в республике, на отсутствие условий для достойной жизни. Именно поэтому очень многие уехали и за рубеж, и в другие российские регионы — подальше от творящегося дома беспредела. А те, кто остался, вынуждены выживать. Оппозицию система уничтожила, и единственно, куда находит выход протест простых людей, — это "лес". А в "лесу" идеологи из Саудовской Аравии и Катара отрабатывают получаемые деньги — направляют протест масс против единства России, в террористические акты против федеральных структур и силовиков. Идет "развод" простых людей. А к чему это должно прийти по планам ваххабитских алимов, мы видим по событиям в Ливии, Тунисе, Египте и Сирии.

В России идут глобальные перемены. Государственный подход в управлении начинает преобладать над либерально-демократическими псевдоценностями. В решении проблемы Дагестана требуется именно такой системный подход. Для дагестанцев перемены в стране связаны в первую очередь со сменой руководства республики в январе этого года. Перед новым руководством стоит титаническая по своему масштабу задача — создать для людей человеческие условия жизни, избавить их от клейма дотационного региона России, восстановить промышленность, сельское хозяйство, сферы медицины и образования. Народ слишком долго жил обещаниями, и только увидев реальные шаги в решении этих задач, реальный государственный подход в управлении, он снова поверит власти. Тогда потянутся на родные земли с того же Ставропольского края уехавшие от чиновничьего беспредела семьи, начнут развиваться крупные инфраструктурные проекты, люди перестанут бояться начать новое дело, перестанет молодежь стыдиться своего высшего образования и станет востребованной у себя дома. Все теперь зависит от реальных дел.

И многонациональный народ Дагестана проявит свою мудрость, пройдет мимо провокаций, не купится на развод теряющих кормушку вымогателей и казнокрадов, а сплотится вокруг того руководства, с которым вместе сможет строить своё будущее, свой Дагестан.

Хаджимурад МАГОМЕДОВ,
ИнформАгентство СевКавИнформ

ПУТЬ К ВЗРЫВУ

Об аресте мэра Махачкалы

В ДАГЕСТАНЕ, где государственная власть давно стала понятием без смысла, а террор — обыденным явлением, оставалось крайне мало символов стабильности. Переживший более десятка покушений мэр Махачкалы Саид Амиров был таким символом. Он был столпом, стержнем ментального пространства Дагестана. 1 июня "лучший мэр России" был арестован по обвинению в организации убийства сотрудника Следственного комитета России Арсена Гаджибекова. Столп рухнул.

В политике и властных сферах Амиров не являлся "первым лицом", уж тем более не был он "хозяином Дагестана". Коллективным "первым лицом" был скорее клан бывших глав республики отца и сына Магомадовых. И уж никак махачкалинский мэр не был — как его определила Юлия Латынина — "вторым человеком на Кавказе после Рамзана Кадырова". Реальная власть Амирова распространялась на столицу и несколько "родовых" даргинских районов. В исламизированном Хасавюртовском районе имя Амирова лучше было не произносить.

Властные амбиции Саида Амирова на роль "хозяина Дагестана" были очевидны и особо не скрывались. Но, что делает честь скромному мэру Махачкалы, он не пытался бросить вызов клану Магомедовых и начать открыто бороться за контроль над всей республикой.

Как истинный посткоммунист, Саид Амиров уделял много внимания агитации и пропаганде. Он был единственным представителем пула высших дагестанских политиков, для которого понятия "пиар" и "работа с имиджем" были не пустыми словами. Большинство из высшего руководства Дагестана контролируя финансовый и административный ресурс, не видело необходимости в информационно-пропагандистской работе с населением. В пиар-проекции они представляли собой "говорящие головы", способные на телеэкране лишь что-то монотонно читать с листа.

Саид Амиров был иным. Несмотря на власть и деньги, он не считал пиар-обработку населения уже излишней. Амиров, подобно Жириновскому, был способен говорить хлестко, ярко на любые актуальные темы. "Доброе слово" он умел доносить разными методами. Не только вербально, но и с помощью других, разнообразных и весомых аргументов.

Имиджевая политика Саида Амирова была чрезвычайно успешной. Используя склонность кавказцев к уважению сильной личности, Амиров стал своеобразным мессией, реальным воплощением запросов уставшего от коррупции и террора дагестанского общества, мечтающего о Вожде с большой буквы, способного любыми, пусть самыми жесткими, методами навести порядок в измученной террором и коррупцией республике.

Непосредственно об идеологической позиции мэра Махачкалы надо сказать особо. Прежде всего это абсолютная пророссийскость везде и во всем. Четко заявляемое признание Дагестана частью России, в том числе в плане общей истории и единой культуры. Признание традиционных ценностей модерна: науки, образования, светски ориентированной "высокой культуры".

Все вышеперечисленные символы "идеологии Саида Амирова" нашли зримое воплощение в "мемориальном комплексе "Представителям русской интеллигенции", в народе названном "памятник русской учительнице". Стоящая на окраине Махачкалы десятиметровая золоченая фигура женщины с глобусом и книгой в руках — не прихоть сумасбродного мэра. Это воплощенный в камне ответ идеологам противопоставления Дагестана России, строившим свои "теории" на культе "антиколониальной национально-освободительной Кавказской войны" и на универсальном тезисе "всё зло приходит с Севера".

Для идеологической позиции мэра Махачкалы также было характерно постоянное демонстрирование преданности нынешней кремлевской власти. Саид Амиров, как известно, был главой дагестанского отделения "Единой России".

Поддерживая квазисоветскую "культуру модерна", мэр Махачкалы всегда, без компромиссов и послаблений, отстаивал светскость государственно-общественного устройства Дагестана. Процессу ползучей исламизации Дагестана Амиров всеми силами пытался противостоять. Кстати, в политическую элиту Дагестана он пришел в 1999 году как один из главных организаторов отпора басаевскому рейду на Дагестан. Тогда, на антиваххабитской волне Амиров и занял кресло мэра дагестанской столицы.

Саид Амиров был непримиримым врагом радикального исламизма, скорее всего, потому, что понимал: салафизм и квазисталинизм в принципе несовместимы. Лидерам-харизматам и автократорам в "халифате" места нет. Мэр Махачкалы, очевидно, четко осознавал: сохранение стабильности в Дагестане неотделимо от постсоветско-светских ценностей модерна. Компромисс тут невозможен. "Частичная" или "умеренная" исламизация Дагестана неизбежно и быстро привела бы к появлению "кавказского Талибана", с большой кровью и распадом общества в конечном итоге.

Укрепляя свои административные и финансовые позиции, проводя пиар-обработку населения на основе образов "друга народа" и "пророссийского государственника", махачкалинский мэр ждал, когда Кремль захочет навести в республике реальный порядок. Имея рядом пример жестко стабилизированной Чечни, Саид Амиров надеялся, что, рано или поздно, Москва назначит его "дагестанским Рамзаном". Однако судьба распорядилась иначе.

Теперь мэр Махачкалы Амиров арестован и пребывает в тюремной камере.

Причину его ареста надо искать прежде всего в огромном общественном рейтинге мэра. Независимый во всех отношениях "политический тяжеловес" для имеющего шаткие позиции нового руководства Дагестана представлял определенную угрозу. В случае проведения действительно честных выборов главы республики Саид Амиров был бы главным претендентом на победу.

Насколько виновен Саид Амиров в смерти следователя Гаджибекова и других подобных преступлениях, судить трудно. При знакомстве с реалиями современного Кавказа удивляться нельзя ничему.

В адрес махачкалинского мэра постоянно раздавались – возможно, небезосновательные — обвинения в преступной деятельности. Много вопросов, особенно об источниках финансирования, вызвал его амбициозный проект "Лазурный берег" — по строительству нового города-спутника между Каспийском и Махачкалой.

Как говорил автору в личной беседе сам Амиров, Махачкала, являясь одним из главных внутренних источников финансирования республиканского бюджета, из собранных в городе налогов назад почти ничего не получала. Федеральные дотации до Махачкалы не доходили. Впрочем, это версия самого Саида Амирова.

Махачкалинский мэр был далеко не ангелом. Идеализировать его не стоит. Но при анализе последствий его ареста для будущего кавказской республики проблема заключатся в самой личности мэра и в его явной и неявной преступной деятельности.

"Лучший мэр России" был одной из ключевых фигур во всех сферах общественно-политической жизни Дагестана, он перерос самого себя, стал явлением.

Трагизм ситуации заключается в том, что Амиров, сознательно или несознательно, но сделал себя таким элементом, исчезновение которого приведет к коллапсу всю систему дагестстанских социально-политических отношений.

Прежде всего тяжелые времена ждут "Дагестанский Вавилон" — Махачкалу. Распад управленческо-хозяйственной инфраструктуры города произойдет неизбежно. Даже без протестного саботажа — а он будет — с уходом лидера сторонники Амирова не примирятся никогда. Просто по банальной причине блокировки сложнейших, основанных на личной преданности, механизмов городского управления.

Саид Амиров был также своеобразным "фактором равновесия" в сложнейшей системе дагестанских кланово-этнических взаимоотношений. После его ареста можно уверенно прогнозировать усиление межнациональных противоречий и межклановой борьбы.

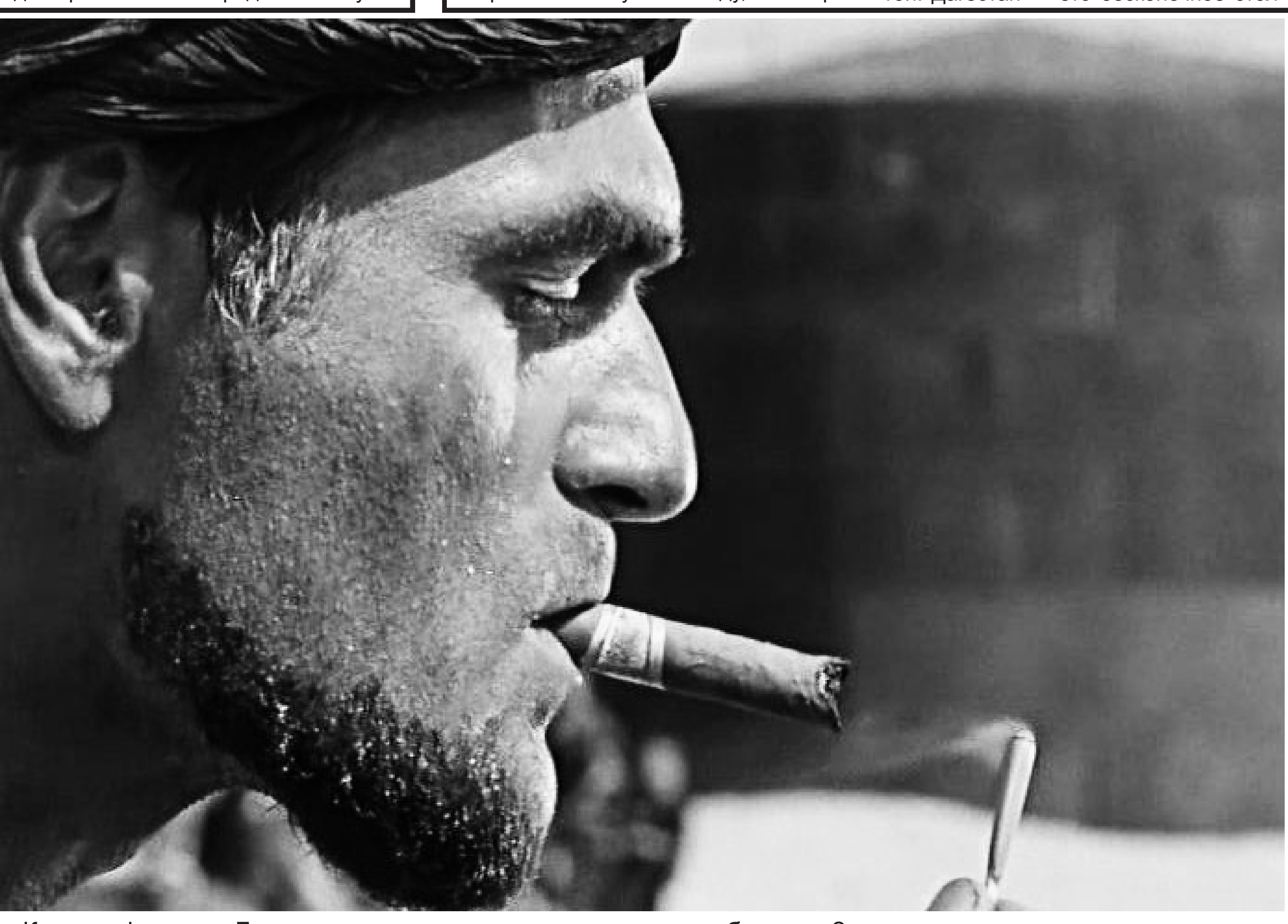
Самым же главным негативным последствием ареста Амирова является следующее: ликвидирован главный актор идейной, и не только, борьбы с салафизмом.

Нанесен страшный удар по самой идее противостояния радикальному исламу. Порушен один из главных столпов постсоветского светского устройства Дагестана, исчезли надежды на жесткий, "чеченский", вариант стабилизации обстановки. В среде противников исламского радикализма после ареста махачкалинского мэра наблюдаются смятение и дезориентация.

Наблюдаемой ныне растерянностью и оглушенностью сторонников светского облика республики не преминут воспользоваться джихадисты. Арест Амирова дал им мощнейший аргумент в борьбе за души и умы ценностно не определившихся дагестанцев. Исчез живой символ, "персонифицированная идея" антисалафистской борьбы, символ "светского сопротивления". Нишу общественных запросов на государственника сталинского типа занять некому. В ментальном поле Дагестана зияет дыра.

Дагестан пойдет вразнос. Как сказал непримиримейший идейный оппонент махачкалинского мэра Гейдар Джемаль: "Арест Саида Амирова — прямой путь к взрыву".

Юрий СОШИН

Кадр из фильма «Белое солнце пустыни»: воспоминание о будущем?

БОРЬБА КЛАНОВ

Дагестан — не Чечня

ВОТ МЫ С ВАМИ и убедились воочию, что не так уж всемогущи и неуязвимы пресловутые кавказские кланы, как нам годами расписывали либеральные журналисты и примкнувшие к ним капитулянты-пораженцы из националистического лагеря. Как оказалось, при наличии твёрдой политической воли, даже в условиях нынешней рассыпающейся государственной машины, оказывается вполне возможным оперативно решать "кадровые вопросы" на местах. И хотя арест одного из главных тяжеловесов дагестанской политики, бессменного на протяжении последних пятнадцати лет мэра Махачкалы Саида Амирова вместе с добрым десятком родственников и приближённых поверг в шок большинство рядовых дагестанцев (давно считавших фактор Амирова и "амировских" чем-то непреходящим, почти что вечным), мотивы действий российских верхов при вдумчивом подходе становятся вполне очевидными.

Утратив последние остатки доверия к могущественной левашинской группировке, к которой принадлежал и сам арестованный мэр, и скандально снятый несколько месяцев назад с президентского поста Магомедсалам Магомедов, Кремль не просто сделал ставку на принципиально иных людей. Он, судя по всему, пришёл-таки к давно напрашивавшемуся выводу, что просто командировать в республику новую управленческую бригаду мало — необходимо расчистить ей место (так как сама она, разумеется, этого сделать не в состоянии). И начинать такую чистку было решено именно с левашинцев, кои являлись хоть и не единственными властителями давно поделенного на сферы влияния Дагестана, но первыми среди равных — точно.

Судя по всему, фактор внезапности проведённой в Махачкале спецоперации сыграл значимую роль, и ничего, напоминающего противодействие (чего, видимо, всерьёз опасались российские власти, проводившие задержание Амирова с привлечением спецназа, бронетехники и вертолётов) фигуранты возбуждённого уголовного дела оказать не смогли и не успели. 2 июня Басманный суд Москвы ожидаемо санкционировал арест махачкалинского мэра. По всей видимости, та же участь ожидает и других задержанных.

"Что, на этом всё?" — сразу напрашивается закономерный вопрос у людей, знающих реалии Дагестана не понаслышке. Остальные высокопоставленные республиканские чиновники, за исключением Саида Амирова и его ближайших соратников, останутся, как ни в чём не бывало, на своих местах и продолжат безнаказанно заниматься всем тем, в чём теперь обвиняют низвергнутого махачкалинского градоначальника? Или в Москве надеются, что "посланный сигнал" будет адекватно воспринят остальными кланами, и те, убоявшись, прекратят расхищать бюджет, совать на все потенциально доходные должности своих родичей и нанимать киллеров для устранения конкурентов?

Если так, то это весьма прискорбно.

Дагестан — не Чечня и даже не Ингушетия. В этой республике, где проживают десятки народов и никак не менее четырёх из них обладают политической субъектностью, активно участвуя в борьбе за власть, невозможно решить все кадровые проблемы путём простой замены одного правящего клана на другой. Дагестан — это бесконечное столкновения различных интересов великого множества кланов, подразумевающее не только ожесточённую борьбу, но и определённую гибкость, способность к достижению разумных компромиссов, разделу сфер влияния. В силу специфических обстоятельств дагестанская политическая система устроена намного сложнее любой другой на Северном Кавказе. Во многом за счёт этой объективной сложности республика до сих пор не свалилась в катастрофический кризис по примеру Чечни начала 90-х. Здесь, в Дагестане, едва ли не каждый негативный фактор (условный минус) уравновешивается воздействием такого же (тоже минуса), но, будучи наложенными друг на друга, они зачастую дают нам, если и не плюс, то хотя бы ноль. Типичный пример — полиэтничность и присущий местным народам этнонационализм, реально мешающие консолидации исламских радикалов. В таких условиях прямое копирование ингушской или даже чеченской схемы преодоления кризиса не даст должного эффекта. Более того, оно способно привести к ещё большему ухудшению ситуации.

Почему к ухудшению? В силу следующих причин.

Перед нами система, способная худо-бедно функционировать. Эта система уродлива, порочна, абсолютно неспособна ни к какому развитию (как и аналогичная ей в масштабах страны), но это именно система. Теперь из этой системы изымается одна из её главных системообразующих конструкций (левашинский клан), однако сама она ни капитальному переустройству, ни капитальному перепрограммированию не подвергается. Посадка одного или даже нескольких зарвавшихся чиновников (равно как и простая присылка вместо них людей из Москвы) — ещё не переустройство всей системы, а лишь изъятие некоторых её элементов. И это необходимо понимать. Я меньше всего хочу выглядеть адвокатом С.Амирова и его приближённых, но не могу не задаться вопросом: кто теперь возьмёт на себя функции новых системообразующих узлов, если система в целом остаётся неизменной? Другие кланы? Но другие кланы в Дагестане — это, в первую очередь, аварские кланы, и шлейф криминально-коррупционных скандалов за многими из них тянется, мягко говоря, не менее длинный, чем за впавшими в опалу левашинскими даргинцами. А уж об антироссийском векторе в их политической деятельности я даже не говорю. Демонстративное изгнание в 2009 году присланного федеральным Центром чиновника Радченко — это лишь один из примеров того, на что способны подобные деятели. Устроенная вскоре вакханалия во время дербентских выборов это лишний раз подтвердила.

Трудно поверить, что пресловутая клановость и коррупция, которые постоянно связываются с именами высоких даргинских руководителей, с их удалением от дел куда-то вдруг испарятся. Разумеется, нет. И если в Кремле не планируют в ближайшие недели и месяцы присылать боевые вертолёты ещё за целым рядом представителей дагестанского истеблишмента, то система, утратившая даргинско-левашинские сдержки и противовесы, рискует начать заваливаться в сторону откровенного этнонационализма и откровенного доминирования "ястребов", что не может соответствовать интересам России по определению. Кремлёвский назначенец Рамазан Абдулатипов вряд ли сумеет справиться с таким креном. Во-первых, потому что не имеет серьёзной опоры в республике. А, во-вторых, потому, что ему — этническому аварцу, бороться против аварских же кланов будет сложно вдвойне.

Я понимаю, что коренное переформатирование системы — задача неимоверно сложная и сегодня практически не решаемая. Но если уж проводить очищение местных правящих кругов, то это должно быть именно очищение, а не проводящаяся под её лозунгами кампания по разгрому одного, не нашедшего общего языка с Кремлём, клана. Обвинения, аналогичные тем, что предъявлены Саиду Амирову, можно смело предъявлять и львиной доле остальных дагестанских политиков. Все мы знаем, как развивались их политические карьеры, каким образом сколачивались первоначальные капиталы, какими методами они добивались мест во власти. Наделавшая в своё время столько шуму в республике серия разоблачительных интернет-материалов под общим названием "Гнилая левашинская капуста" ведь не только отставного президента Магомедова и его ближайшее окружение компрометирует — она безнадёжно уничтожает репутации практически всех сколько-нибудь значимых политиков и управленцев Дагестана.

"Когда уходит собака, то приходит волк", — гласит поговорка одного из кавказских народов. Поэтому пусть в Кремле всерьёз задумаются над тем, хватит ли у него волкодавов. Волков по Дагестану ныне рыщут целые стаи.

Игорь БОЙКОВ